

Наталья Запольская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Институт славяноведения РАН, Россия
zapolskaya_n@mail.ru*

—
46

**От церковнославянского к русскому
литературному языку: субграмматика
в лингвистических сочинениях XVII–XVIII вв.**

В докладе представлен анализ идеосемантических и идеофункциональных норм, демонстрирующих влияние церковнославянского языка на новый русский литературный язык XVIII в.

Ключевые слова: церковнославянский язык, русский литературный язык XVIII в., субграмматика, идеосемантические и идеофункциональные нормы

1. Субграмматика: идеосемантические нормы, идеофункциональные нормы. *Нормы* литературного языка как определенного страта являются результатом лингвистической рефлексии носителей языка, результатом сознательно осуществленного выбора языковых элементов в позициях потенциальной вариантности. Характер вариантности определяется тем, что носители языка могут обращаться к разным языковым данностям: либо только к своему литературному языку, представленному в статике или в динамике, либо к своему литературному языку в его отношении к языку повседневного общения, либо к своему литературному языку в контексте других литературных языков. Обращение носителей языка потенциально к любым позициям выбора, возможным в рамках осмысляемого литературного языка с целью исправления литературного языка или создания нового литературного языка, приводит к выработке *формационных норм*. Обращение носителей языка уже к отобранному языковому мате-

риалу, т.е. расширение или сужение его границ с целью культурно-идеологической спецификации отдельных языковых элементов, приводит к созданию норм, которые могут быть названы *делимитативными* [Запольская 2008]. Именно в процессе создания делимитативных норм наглядно проявляется взаимодействие культуры и языка, поскольку императивы культуры всегда предписывают языку либо специфическую семантику, либо специфические сферы употребления. Соответственно, в зависимости от задач культурно-идеологической спецификации следует различать *идеосемантические* и *идеофункциональные нормы*. Выработка *идеосемантических* норм предполагает осложнение исходной языковой семантики слова или формы дополнительной, культурно переменной семантикой, создание же *идеофункциональных* норм предполагает наложение на слово или форму определенной культурно переменной функциональной обязанности. Формационные нормы определяют нормативную *грамматику* языка, тогда как делимитативные нормы формируют нормативную *субграмматику* языка.

2. Идеосемантические нормы церковнославянского языка. В пространстве конфессиональной культуры *идеосемантические* нормы являлись результатом «христианизации» языка, т.е. осложнения буквальных смыслов смыслами сакральными. Показателями идеосемантики выступали форманты, входившие в варианты ряды *книжный / некнижный, книжный / книжный, книжный корректный / книжный некорректный*, которые переосмыслились книжниками как теологически мотивированные оппозиции. Средства выражения идеосемантики имели разный нормативный статус, поскольку были либо нормативным решением отдельного книжника, либо общепринятой нормой, и с течением времени либо оставались фактом отдельного текста, либо получали кодификацию в авторитетных текстах и в метатекстах. Заключенная в идеосемантике зависимость язы-

ка от теологии, а также выбор определенных средств ее выражения могли получать обоснование в комментариях, что делало идеосемантику «выговоренной». Однако обычно идеосемантика оставалась «невыворенной», что осложняет исследование идеологически отмеченных языковых единиц, поскольку, прежде чем изучать, их следует «вычитать» как из текста, так и из метатекста [Запольская 2018].

В метатекстах идеосемантика отдельных слов могла «скрываться» в парадигмах и в таблицах, представлявших репертуар формантов. Так, в Грамматике 1648 г. московские издатели поместили перед парадигмами имен существительных **оудобенѣйшаго ради скорягу познаніа** сводные таблицы, демонстрирующие конечные буквы падежных флексий. Современные лингвисты обратили внимание на «несоответствие сконструированной таблицы реальному языковому материалу издаваемой грамматики», поскольку, например, «в таблицу включены лишние наборы флексий, которые не соответствуют ни одной из парадигм грамматики: для существительных мужского рода это ряд – И ѿ, Р а, Д ѳ, В а, З ѿ, Т ѣ, М ѣ» [Грамматика 1648: 555–556, 557].

Однако если, во-первых, принять во внимание, что московские книжники не всегда следовали «своей» метаязыковой модели и давали материал по моделям и другим грамматик, прежде всего, грамматики Смотрицкого 1619 г., а во-вторых, обратиться не только к парадигмам, но и комментариям, сопровождающим парадигмы, можно реконструировать даже две парадигмы, объясняющие сам факт наличия в таблице показателей одушевленных имен существительных мужского рода на – ѿ.

А) В Грамматике Смотрицкого 1619 г. представлен комментарий, касающийся греческих заимствований, среди которых выделяется собственное имя **Мáркос** → **Мáрко**, склонение которого отличается от представленного парадигмой слова **Пророкъ** только формой зва-

тельного падежа: **Оупотреблѣма бываютьъ Славѣны... Грѣческаѣ ... имена/ мъжескаѣ на/ оѣ ... сходящаѣ: ѡкѡ / Маркос... ѣ Ѡмещеѣ/ и творить Славенское имя/ Марко, во всѣхъ падежехъ: ѡкѡ Пророкъ, развѣ звательнаѡ на/ кѡ, не на/ че сходящаѡ/ скланѣемое...** [Граматики: 203–204]. Однако в Грамматике 1648 г. этот комментарий отсутствует, кроме того, в таблице формант звательного падежа равен форманту именительного падежа.

Б) В Грамматике Смотрицкого 1619 г. и в московской Грамматике 1648 г. содержится комментарий, представляющий формальную дифференциацию **слова** как имени нарицательного и **Слова** как имени собственного, т.е. именованя Бога Сына: в В. ед. наряду с флексией **-о** допускалась флексия **-а**, в Зв. ед. наряду с флексией **-о** допускалась флексия **-ѣ**. При этом флексии **-а**, **-ѣ** рассматривались как показатели *мужского рода*, что позволяло, во-первых, включать **Слово** в один грамматический ряд с именами **Гѣдь/ Бгѣ/ Ѡцѣ / Снѣ/ Дхѣ** **С: Іс/ хс/ Спсѣ** и, во-вторых, демонстрировать грамматическое тождество греческого и церковнославянского языков: **Слово: ѣгда превѣчноѣ Бга Ѡца Слово знаменѣтъ/ внимтелный ѣ звательный сѡгѣвъ приѣлетѣ, сі естѣ средня рода ѣ мъжеска/ Слово ѣ Слова: Слово/ ѣ Слове** [Граматики: 199–200; Грамматика 1648: 121].

Кодифицированная вариантность флексий для **Слова** давала возможность выбора: московские книжники фиксировали в таблице флексию мужского рода **-а** в В. ед., тогда как автор рукописной анонимной грамматики начала XVII в. (**Грамматика доброгѣливаго и простра̀ннаго словенского языка** — ГИМ, Син. 734) приводил флексию мужского рода **-ѣ** в Зв. ед., выделяя тем самым форму молитвенного обращения к Богу: **слове** (л.39). В начале XVIII в. Поликарпов в трактате «**Хѡдожество грамматическое**» представлял для имени собственного только флексии мужского рода **-а**

и -е, которые он, однако, толковал не как показатели рода, а как показатели *одушевленности*, т.е. посредством атрибуции выделял позицию В. ед., что указывало на грамматическую особенность церковнославянского языка по сравнению с греческим языком: **Слѡво, ѿгда превѣчное Бга оца слѡво знаменуетъ, винительный, ѿ звателный, образомъ ѡдшевленныхъ полагается, ѿкъ тогѡ слѡва, ѡ слѡве** [Поликарпов 2000: 122]. Императивность идеосемантических норм *Слова* проявилась даже в том, что в новом русском литературном языке XVIII в. для него была кодифицирована форма Зв. ед. на -е, наряду с другими формами сакрально маркированных имен существительных мужского рода, о чем свидетельствовал Тредиаковский в трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний»: «Многие звательные падежи, которые у нас все подобны именительным (кроме преблагословенных и превысоких сих имен: Боже, Господи, Иисусе Христе, Сыне, *Слове*, то есть воплощенное Слово) могут иногда в стихах образом славенских кончиться» [Тредиаковский 1735:18].

Таким образом, можно предположить, что ряд падежных показателей в таблице

пра́вый	о	а	ѣ	а	о	ъ	ѣ
---------	---	---	---	---	---	---	---

не был *лишним*, поскольку демонстрировал обязательную для всех грамматик парадигму имени *Слово*.

3. Идеофункциональные нормы церковнославянского языка и нового русского литературного языка. Секуляризация культуры в XVII веке выразилась в расширении функций церковнославянского языка, который должен был уже обслуживать и собственно литературные тексты, выполнявшие эстетические задачи. Актуальным приемом «украшенности» языка явились

поэтические вольности, поскольку в виршевой поэзии, составлявшей основу литературы XVII в., важно было «укладывать» слова и формы в нужный размер по числу слогов. Учение о поэтических вольностях, разработанное в риториках и грамматиках классических языков, стало составной частью и церковнославянских риторик и грамматик, кодифицировавших тем самым репертуар идеофункциональных норм. Система поэтических вольностей церковнославянского языка, представленная в Грамматике Смотрицкого и повторенная в других грамматиках, включала как искусственные версификационные варианты, основанные на прибавлении/убавлении буквы или слога в начале/середине/конце слова, так и неравносложные грамматические варианты:

а) формы имен м.р. в Р.мн. с флексиями *-ъ*, *-въ* рассматривались как пример «убавления» слога из середины слова: **Стиснѣніе/ ѣсть слога зъ среди речѣніа ѡзложеніе: ѡкв/...человѣкъ, в мѣстѣ члѣвѣкъвъ** [Грамматики : 469];

в) полные и краткие формы прилагательных и причастий в Им. ед. рассматривались как пример «убавления» слога в конце слова: **Оустѣніе/ ѣсть слога въ концѣ речѣніа ѡрѣшеніе: ѡкв/ чистѣ, в мѣстѣ чистый...** [Грамматики : 470].

Осуществлявшийся в XVIII веке переход от конфессиональной культуры к секулярной обусловил создание нового литературного языка, т.е. формирование как формационных, так и делимитативных норм. Развитие в этот период поэтических литературных жанров актуализировало необходимость создания новой системы поэтических вольностей, возможных в стихах уже на русском литературном языке. При этом, разрабатывая новую систему поэтических вольностей, т.е. вводя идеофункциональные нормы, писатели учитывали систему поэтических вольностей, заданную церковнославянской традицией. Так, Кантемир в «Письме Харитона Макентина к приятелю о сложеніи сти-

хов русских» утверждал, что «все сокращения речей, которые славенской язык узаконяет, можно понужде смело принять в стихах русских» [Кантемир 1744: 22]. При этом Кантемир отнюдь не «формулировал общий закон вольностей» [ср.: Винокур 1959: 128], согласно которому в русские стихи допускались любые неравносложные славянизмы, а отсылал к двум видам поэтических вольностей – **стиснѣнію** и **оуѣсѣчѣнію**: ключом именно к такой отсылке являлись примеры «сокращений», совпадающие с примерами в церковнославянских грамматиках. Равным образом и Тредиаковский в «Разговоре об орфографии» характеризовал формы Р. мн. в терминах поэтических вольностей, а отнюдь не в терминах, отражающих «общие представления о механизмах формопроизводства» [ср. Живов 2004: 376–379], отступая от традиции только в том, что считал форму Р. мн. результатом «усечения», а не «стиснения» [Тредиаковский 1849: 50]:

Смотрицкий	Кантемир	Тредиаковский
<p>Стиснѣніе/ ѣсть слога з средн реченіа изложеніе: іа́kw/ ...человѣкъ, в мѣстѣ члвѣkwвъ</p> <p>Оуѣсѣчѣніе/ ѣсть слога в концн реченіа Ѡрѣшѣніе: іа́kw/ чистъ, в мѣстѣ чистый</p>	<p>Все сокращения речей, которые славенской язык узаконяет, можно понужде смело принять в стихах русских... изрядно употребляется человѣкъ, чистъ, вместо человѣковъ, чистый (27)</p>	<p>Сие усечение бывает наиболее в родительных и падежах, множественнаго числа. Например, целый падежъ есть родительный множественный: человѣковъ, усекается сим образом: человѣкъ ...(50)</p>

Таким образом, реализация принципа преемственности в сфере делимитативных норм показывает, что транслируются и адаптируются не просто отдельные языковые элементы, а культурно-языковые модели.

Литература

Винокур 1959 – Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Грамматика 1648 – Грамматика 1648 г. /Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. 2007.

Грамматики 2000 – Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Предисл. Е.Кузьминовой, М. Ремневой. Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой. М., 2000.

Живов 2004 – Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.

Запольская 2008 – Запольская Н.Н. Грамматика и субграмматика славянских литературных языков(XVI–XVIII вв.): теория и история норм // XVI Международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 199–224.

Запольская 2018 – Запольская Н. Н. Христианизация языка: показатели идеосемантики слов // Римские кирилло-мефодиевские чтения. Selecta. Славянское Средневековье. Богослужение. Книжность. Язык. М., 2018. С. 145–160.

Кантемир 1744 – Кантемир А. Квинта Горация Флакка десять писем первой книги. Переведены с латинских стихов на русские и с примечаниями изъяснены от знатного некоего охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов. СПб., 1744.

Поликарпов 2000 – Поликарпов Федор. **Технолѳга**. Искусство грамматики / Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб., 2000.

Тредиаковский 1735 – Тредиаковский В.К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний. СПб., 1735.

Тредиаковский 1849 – Тредиаковский В.К. Сочинения. СПб., 1849. Т.III.

Natalya Zapolskaya

Lomonosov Moscow State University,

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia

zapolskaya_n@mail.ru

—
54

**From Church Slavonic to the Russian Literary Language:
Subgrammar in Linguistic Writings of the 17–18th Centuries**

—
The report presents an analysis of ideosemantic and ideofunctional norms that demonstrate the influence of Church Slavonic on the new 18th century Russian literary language.

Keywords: *Church Slavonic, 18th century Russian literary language, subgrammar, ideosemantic and ideofunctional norms*

Наталья Карева

DOI: 10.31168/91674-576-4.10

Институт лингвистических исследований РАН, Россия

natasha.titova@gmail.com

Евгений Матвеев

Санкт-Петербургский государственный университет,

Институт лингвистических исследований РАН, Россия

ematveev@list.ru

**Наименования тропов и фигур речи
в филологических трудах Ломоносова
и его предшественников**

В докладе в ходе сопоставления терминологии тропов и фигур в риторических трактатах М. В. Ломоносова и восточнославянских риторических трактатах XVII в. выявлена уникальность «Краткого руководства к красноречию»: в его терминологии проводится стро-